

БАРБАРА КАРТЛЕНД

*Любовные тайны
маркиза*

Москва
«ЭКСМО»
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Barbara Cartland
A HAZARD OF HEARTS

© Barbara Cartland, 1949

Ранее книга выходила под названием
«Опасность для сердец»

Перевод с английского Е. Коротнян
Художественное оформление С. Ляха

Картленд, Барбара.

К27 Любовные тайны маркиза / Барбара Картленд ; [пер. с англ. Е. Коротнян]. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Моя прекрасная леди. Барбара Картленд).

ISBN 978-5-699-79581-9

Селина Ставерли в один день теряет поместье и свободу, потому что отец проиграл их в карты. Отныне она связана долгом чести и должна выйти замуж за циничного красавца маркиза Валкэна. Они едут в его родовое поместье Мандрейк, где Селина сталкивается с ненавистью его властной матери и попадает в мир азартных игр, подземелий и контрабандистов. Ей предстоит пережить похищение, стать свидетелем убийства и мчаться в ночи навстречу неизвестности. Она очень рискует, полюбив, но, может быть, риск окажется оправдан?

По роману снят популярный английский фильм с Хеленой Бонэм Картер, Маркусом Гилбертом и Дайаной Ригг в главных ролях.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Коротнян Е., перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79581-9

Глава 1

Взглянув в окно, Селина подумала, что чудо весны в Ставерли с каждым годом все больше захватывает дух своей красотой. Никогда прежде орошенные росой лужайки не казались такими зелеными, а сирень — такой роскошной, сплошь усыпанной белыми, лиловыми и фиолетовыми цветами. Ракитник буквально превратился в фонтан золотого дождя, под фруктовыми деревьями намело бело-розовые сугробы лепестков. На озере темная вода постепенно скрывалась под зеленью округлых листьев кувшинок, а скоро расцветут во всей своей изысканной экзотической красоте и сами кувшинки.

Селина всем сердцем тянулась к природе. Красота родного поместья была для нее неотъемлемой частью ее натуры, и временами ей казалось, что любовь к Ставерли пульсирует в ней, как живое существо.

— Пора пить шоколад, мисс Селина.

Низкий голос перепугал девушку, и она обернулась, слегка вскрикнув.

— Я замечталась, Юдора, и не слышала, как ты подошла.

Если уж голос Юдоры мог напугать, то ее вид — тем более. Сперва могло показаться, что она просто карлица, но, если приглядеться получше, становилось ясно, что уродство не было врожденным, ее покалечили, искривив ей позвоночник и сделав горбуньей.

Голова, вроде бы нормального размера, казалась слишком огромной для крошечного усохшего тельца. Невозможно было понять, сколько ей лет. От заостренного носа ко рту и под впавшими глазницами боль прорезала глубокие морщины. Зато сами глаза были на удивление темными и живыми, ничего не могло от них ускользнуть, и часто в них светились такие странные и бурные чувства, что Селина ребенком представляла, будто в искривленном теле Юдоры заточен дикий и неукротимый дух.

Селина знала Юдору, сколько себя помнила. Не было такого времени, когда этой малютки не было рядом, она присматривала за ней, исполняя ее желания, любя ее со страстной, почти животной преданностью и охраняя страстно и ревностно.

Селина взяла чашку шоколада с серебряного подноса и присела на низкий широкий подоконник.

— Уже одиннадцать? — вздохнула она. —
А у меня еще столько дел.

— Миссис Бистон просила передать, мисс,
что если сегодня вечером придет сэр Джайлз,
то жаркого на ужин не будет.

— Нет, будет, — возразила Селина. — Еще
четыре дня назад я приказала заколоть ягненка.
За это время туша уже должна была отвисеться.
Сэр Джайлз очень любит молодого барашка,
сама знаешь, Юдора. И скажи миссис Бистон,
чтобы подала печеного карпа под португаль-
ским соусом, двух фаршированных цесарок,
ошпаренных и тушеных в масле, на первое —
суп и еще фруктовый пирог для перемены блюд.
Ужин будет скромный, но отцу понравится.

— А если сэр Джайлз все-таки не прие-
дет? — спросила Юдора.

— Тогда для меня хватит и одной цесар-
ки, — улыбнулась Селина.

— Я передам ваши распоряжения миссис
Бистон, — сказала Юдора.

— Да, пожалуйста, — откликнулась Сели-
на, — а потом приходи, сможешь мне набрать
цветов. Те, что стоят в большой вазе в холле,
уже подвяли. — Она повернула голову и по-
смотрела в окно. — Изумительный день, хочет-
ся побывать в саду.

— Что-то на душе тяжело, — сказала Юдора.

Ее голос всегда звучал странно и довольно
грубо, но сейчас в нем появились тревожные

ноты и резкость, словно она говорила, подавшись неуправляемому чувству.

— Почему, Юдора? — спросила Селина.

— Не знаю, — ответила Юдора. — Но вчера ночью, когда я мучилась от бессонницы, мне все казалось, будто на меня надвигается облако... такое черное... все ближе и ближе.

Селина резво вскочила.

— Довольно, Юдора! Я так боюсь этих твоих настроений. На тебя такое уже довольно давно не накатывало, но всякий раз, когда ты так говоришь, меня это ужасно пугает.

— Простите, мисс Селина. Но я не могу не говорить о том, что чувствую... и знаю.

Юдора произнесла это тихо, почти себе под нос.

— Да, я знаю, Юдора, дорогая, но как бы мне хотелось, чтобы ты избавилась от своих дурных предчувствий. Тем более в такой чудный день. Я хочу быть счастливой! Я счастлива! Отец скоро вернется, и давай помолимся, чтобы его путешествие в Лондон не... — Селина запнулась, подбирая слова, а затем добавила почти шепотом: — Не влетело в слишком большую копеечку.

Она обвела взглядом комнату. Все было прекрасно, хотя в обстановке были заметны кое-какие пробелы. Пятна на стенах указывали, что когда-то там висели картины... теперь остались лишь бесцветные очертания рам... да гвозди, на

которых они висели. Из мебели — только диваны, стулья и пара столов; если приглядеться повнимательнее, невольно возникал вопрос, почему нет ни одного шкафа; промежуток между окнами, казалось, был создан для консоли, а в нише на противоположной стене явно не хватало бюро.

Да, пустовато. А когда Селина повернулась и вышла из гостиной в коридор, ее и там встретила такая же пустота и пустующие прямоугольники на затянутых парчой стенах. После солнечной гостиной в коридоре казалось темно, и Селина слегка поежилась.

— Ты пугаешь меня, Юдора. Ступай и передай то, что я сказала миссис Бистон, а заодно захвати из спальни шаль, мы пойдем с тобой на солнышко и забудем твои мрачные предсказания.

— Слушаюсь, мисс Селина.

Юдора присела в поклоне, дернувшись всем своим тельцем, после чего заковыляла по мраморному полу, отстукивая башмаками неровный ритм. Оставшись одна, Селина сплела пальцы и уставилась на пустое место над мраморным камином.

— Пусть он выигрывает, — прошептала она. — Умоляю, умоляю! Ведь нам... больше нечего продавать.

Она проговорила это со страстью и напором, с силой сжав пальцы. Сделав над собой

усилие, она повернулась и открыла дверь, на нее тут же пахнуло резким весенним ветром, чуть потеплевшим от солнца. Ветер разметал ей волосы, и она подставила ему лицо, словно он мог унести с собой все тревожные мысли.

От двери к гравийной дорожке вела длинная череда каменных ступеней. Дальше начиналась каменная терраса, а за ней — огромный парк, обступивший со всех сторон Ставерли-Корт, с огромными дубами, посаженными сто лет назад. В голубом небе мелькнула стайка голубей. На озере неспешно и величественно плавали лебеди.

Какая красота! Какая красота! Но Селина понимала, что слова Юдоры все-таки потревожили покой, в котором она пребывала, как камень, брошенный в водную гладь. Она испугалась, ужасно испугалась. Не зря вся прислуга твердит, что Юдора ведьма. Впрочем, Селина посмеивалась над подобными утверждениями, хотя в глубине души побаивалась, как бы это не оказалось правдой.

Юдора отличалась от других людей. Никто не знал, к примеру, кто ее родители. Как-то раз дедушка Селины мчался из Лондона в Ставерли и сам управлял экипажем, на резком повороте в сумерках лошади сбили женщину, которая шла по обочине, и колеса переехали несчастную. Дед привез пострадавшую домой, в Ставерли, но наутро та умерла, до того разродив-

шись ребенком. То, что младенец весь искорежен, повитуха объяснила тем, что мать перед родами попала в такой переплет. Расспросы ни к чему не привели, так и не удалось выяснить, кто эта женщина и откуда родом; Юдора осталась в Ставерли, сначала была на побегушках у всей прислуги, а затем, главным образом благодаря своей настойчивости и упрямству, стала личной горничной Селины. Она обожала девочку с первой минуты, как только та появилась на свет, и никакими просьбами и даже бранью невозможно было прогнать ее из детской.

Няня Селины без конца твердила, что от Юдоры у нее мурашки по коже и она не позволит, чтобы эта уродина «пугала ребенка», что само по себе было клеветой, так как Селина никогда не боялась Юдоры. Едва девочка начала узнавать лица, она стала улыбаться и тянуть ручки к странному, искалеченному существу, от которого большинство людей шарахалось с отвращением.

Но настали времена, когда Селина и прочие обитатели Ставерли испытали благодарность к Юдоре. Многие из слуг ушли и больше не вернулись, лишь несколько старых слуг остались верны хозяевам и часто месяцами не получали жалованья, а не уходили они потому, что, как сами говорили, очень привязались к дому, к тому же им некуда было идти, да они и не представляли себе жизни без этого поместья.

Юдора стала незаменимой. Она исполняла обязанности личной горничной, старшей горничной по дому, доверенной прислуги, и однажды, когда миссис Бистон слегла и некем было ее заменить, она даже на несколько дней превратилась в кухарку. И все равно у нее всегда хватало времени присмотреть за Селиной. Как бы ни был урезан штат прислуги, платья девочки всегда были выглажены, волосы всегда аккуратно причесаны.

«Я бы не смогла без нее», — частенько говорила себе Селина. И вот теперь она повторила это вслух, обращаясь к весеннему ветру, пока стояла на верхней ступеньке лестницы, ведущей в сад. Но лучше бы Юдора оставила свои опасения при себе.

Дело в том, что предостережения Юдоры всегда сбывались самым nepocтижимым образом. Стоило ей сказать: «Чую беду», как та не заставляла себя ждать. Она словно угадывала неприятность задолго до ее появления.

— Что бы это могло быть? — размышляла Селина, понимая, что сама уже давно волнуется, ведь отец задержался на три или четыре дня.

Она ждала его возвращения с нетерпением и тревогой одновременно. Стоит ей увидеть, как он подъезжает к парадной двери на своей двуколке с желтыми колесами, она сразу же поймет — выиграл он или проиграл. Если выиграл, то он соскочит на землю как молодой,

швырнет поводья груму и помчится вприпрыжку по каменной лестнице, во все горло вызывая дочь, словно она не ждет его в коридоре.

— Селина! Селина!

При звуке его голоса, которого она не могла дождаться, как бывало, несколько дней, она испытывает огромное облегчение.

— Ты даже не представляешь, насколько все хорошо, — скажет он. — Теперь у нас целое состояние! Мы закатим прием, бал, а ты купишь себе новые платья. Мы заново наполним подвал, а теперь, ради Бога, пусть подадут ужин, и я расскажу тебе все подробно.

Его будет переполнять радостное возбуждение, совсем как ребенка; а так как радость заражительна, Селина позабудет обо всем, разделяя его счастье, и они засидятся за разговорами до глубокой ночи, планируя, как улучшат дом, сколько потратят на поместье. Какими радостными будут минуты, когда можно будет почувствовать себя богатым, когда никакая трата не покажется чересчур и не по карману! Однако Селина знала, что пройдет совсем немного времени и сэр Джайлз скажет:

— Деньги заканчиваются, скоро в карманах будет гулять ветер. В четверг поеду в Лондон. Когда вернусь, подумаем насчет нового крыла дома. Поручим Адаму сделать проект.

— Не уезжай, отец, останься дома, — обычно молила Селина, понимая, что это бесполезно.

Тяга к игре разъедала его изнутри, эта потребность сидела у него в крови, и тут ничего нельзя было поделаться. Он мечтал ощущать карты в руках, как умирающий от жажды мечтает о воде. Он должен был ехать. Но со временем он стал выигрывать все реже и реже. Селине казалось, что, когда она была совсем маленькой, отец выигрывал довольно часто, однако она выросла, и возвращение сэра Джайлза из Лондона постепенно становилось совсем другим.

Двуколка медленно проезжала длинную подъездную аллею; лошади, казалось, спали на ходу, а когда все-таки останавливались у парадной двери, сэр Джайлз спускался очень медленно, почти неохотно, словно боялся взглянуть Селине в лицо. Если она поджидала его на верхней ступени, он молча целовал ее. Затем проходил в вестибюль, передавал дворецкому шляпу и плащ, после чего начинал озираться.

Селина отлично знала этот взгляд! Практически все мало-мальски ценное было давно продано — картины Ван-Дейка, инкрустированные китайские горки, серебро эпохи Карла II, превосходные гобелены, сотни лет провисевшие в столовой. Теперь о них напоминали только пятна на стенах и пустота в сердцах тех, кто любил эти вещи.

— Умоляю, Господи, пусть он выиграет.

Селина еще раз прошептала свою мольбу,

но свежий ветер тут же унес эти слова. Она остановилась и внимательно взгляделась в конец аллеи, где вдалеке между деревьев внезапно показалась лошадь.

— Едет! Я вижу!

Она сказала это больше себе, чем Юдоре, чьи шаги она услышала за спиной.

— Накиньте шаль, мисс Селина. Здесь ужасно холодно.

— Это отец! Он приехал! Но почему в такое время? Наверное, выехал из Лондона совсем рано!

Не успела она договорить, как сердце у нее упало. Когда сэр Джайлз играл, он редко вставал из-за стола до рассвета; и если он ушел из клуба рано и приехал в Ставерли до полудня, объяснение могло быть только одно. Он проигрался дочиста и больше не мог продолжать игру.

Селина невольно протянула руку к Юдоре. Горбунья сжала ее руку в своих, но не произнесла ни слова, и Селина прекрасно поняла, что Юдоре нечего сказать ей в утешение. Она наблюдала за лошадью между деревьев, пока та не скрылась за поворотом. Через какое-то время лошадь вновь появилась, и у Селины вырвался возглас:

— Но это не сэр Джайлз! Смотри, Юдора, там кто-то верхом. Кто же это может быть?

— Да, это не сэр Джайлз, — тихо произнесла Юдора.

— Я и говорю, — рассердилась Селина. — Кажется, это кузен Николас. Ну да, точно он. А ведь меня уверяли, что Николас тоже в Лондоне. Должно быть, приехал, чтобы сообщить нам, когда вернется отец. Как быстро он скачет. Вели подать ему вина и холодного мяса. После такой прогулки он наверняка проголодался.

Юдора повернулась и ушла, не сказав ни слова, а Селина, в волнении поджидавшая на крыльце, помахала кузену, когда тот показался на мосту через озеро, и закричала, приветствуя его, едва он приблизился:

— Николас! Как я рада тебя видеть! В первый момент я приняла тебя за отца! Ты из Лондона?

Николас Ставерли взглянул на сестру. Солнце играло на ее светлых волосах, ветер раздувал муслиновые юбки. Она даже не представляла, как прелестно выглядит на фоне старого серого дома, и Николас залюбовался ею, сорвав с головы шляпу. Из-за угла торопливо выбежал старый грум, чтобы принять лошадь, и юноша спешился.

— Вы чуть не загнали лошадку, мистер Николас, — упрекнул всадника грум с фамильярностью старого слуги, но Николас не удостоил его ответом, и тот увел лошадь, что-то ворча себе под нос.

— Идем в дом, Николас. Хорошо, что ты приехал, — сказала Селина. — Уехал в Лондон чуть ли не два месяца назад, и за все это время я получила от тебя одно-единственное письмо. Отругать бы тебя хорошенько, но, наверное, ты там так веселился, что совсем забыл свою деревенскую кухню.

— Дело в другом, Селина, — сказал Николас, слегка покраснев, совсем как школьник. — Просто пишу я плохо, еще со школьных времен, за что меня не раз пороли.

— Зато теперь ты здесь и расскажешь мне все новости, — оживилась Селина. — Юдора сейчас приготовит тебе перекусить. Но сначала скажи, как там отец? Он выигрывает?

Последний вопрос Селина задала совсем тихо. Николас взглянул с высоты своего роста на повернутое к нему личико. Он был гораздо выше кухни — хорошо сложенный молодой человек с широкими плечами и стройными ногами, — но в эту минуту у него был вид перепуганного мальчишки, который готов признаться в каком-то проступке. По его лицу Селина сразу поняла, что что-то не так.

— В чем дело, Николас? — спросила она.

— Пройдем в гостиную, — предложил Николас. — Здесь разговаривать неудобно.

Селина открыла дверь в гостиную. Комнату по-прежнему ярко освещало солнце, но атмосфера почему-то показалась девушке беспокой-